

ГЛАВА 12.

С древних времен мужчины Таиланда имели массу различных возможностей в отличие от женщин. В то время как мальчики учились в храмах, для девочек это считалось не нужным (хотя почти все мужчины низшего класса тоже были неграмотны) (Chulachart, 1980 г.). Во времена правления царства Аютхайи (с четырнадцатого столетия) и до начала правления королевства Раттанакосин, женщины вообще не имели никаких прав. Их можно было бить, оскорблять или даже просто продавать другим людям (Тайский информационный бюллетень развития, 1984 год, стр.11). На данный момент в этом отношении Таиланд не сильно изменился. Современное исследование в бангкокских трущобах показало, что до сих пор еще слишком высок процент бесправных женщин, которых регулярно избивают мужья (Тайский информационный бюллетень развития, 1986 год, стр.26).

Сегодня наиболее ценны профессиональные кадры, а их занятость в Таиланде зависит от образования, которое доступно только элите и высшему классу (Ward, 1963 г.). Что остается неквалифицированным женщинам-рабочим? Это очень ограниченное количество рабочих мест на фабриках, и, несмотря на изнурительный и отнимающий много времени труд (Nash and Fernandez-Kelly, 1983 г.), некоторые женщины предпочитают заниматься такой работой, чем оставаться дома. В своем исследовании журнал Ariffin обнаружил, что мотивация женщин работать на городских фабриках стоит на первом месте. А желание свободы и независимости у таких женщин вторично по отношению к материальным факторам (Fawcett, Ху и Смит, 1984 г.).

В девять часов утра я отправилась на встречу с Алексом, чтобы потом поехать на свадьбу Сумали и Шломо, которую организовывали в семейном доме Сумали, за пределами Бангкока. У Алекса дома не было Хой и Сумали, они провели ночь с семьей невесты. Семьро израильтян толпились в обеих комнатах. Только брат Шломо

специально приехал на свадьбу из Израиля. Большинство же были просто путешественниками, с которыми Шломо познакомился в Таиланде. Они были похожи на типов с Каосан-Роуд, небрежно одетые, как бэкпекеры*. Только Шломо, его брат, Алекс и я были одеты подобающе событию. Одним из них был известный продюсер с израильского телевидения, который услышал о свадьбе и подумал, что это могло бы быть интересно.

– Бывали ли вы раньше на мусульманских свадьбах? – спросила я продюсера, грузного мужчину лет пятидесяти.

Он рассмеялся.

– Нет. Евреи не женятся на таких.

Я поинтересовалась, что семья Шломо думает об этом. Он поднял руки ладонями наружу в жесте «слава-богу-это-меня-не-касается».

Я подошла к брату Шломо и спросила его:

– Действительно ли ты – шафер?

– На мусульманских свадьбах нет шафера.

Что-то в его тоне дало мне понять, что он не хочет, чтоб я спрашивала его о том, как он себя чувствует. Кроме того, я не хотела, чтобы он подумал, что я неодобрительно отношусь к тому, что его брат женится на тайской проститутке.

– Я была однажды в Израиле, – сказала я. – Работала добровольцем в кибуце во время войны 1973 года. Пока все воевали, не хватало народу, чтобы собирать урожай фруктов.

– Вы и правда еврейка? – спросил он меня.

– Да.

Вряд ли ему понравилась бы еврейка, которая встречается с тайским сутенером-буддистом.

Наша группа взяла три такси до дома сестры Сумали, где мы должны были позавтракать.

– Сестра Сумали – младшая жена, – сказал мне Алекс, когда мы вошли в ее двухэтажный дом.

– А муж здесь? – спросила я. По площади их дома я предположила, что он был богат. Я задалась вопросом, сколько жен в его доме.

– Я думаю, что это вон тот пожилой мужчина.

Я огляделась вокруг.

– О, только не этот сушеный сморчок! Ты меня разыгрываешь. Ему, должно быть, шестьдесят лет. Сестра Сумали так молода и хороша.

*бэкпекер – распространённый в последние десятилетия термин, обозначающий путешественника, туриста передвигающегося за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров.

Алекс пожал плечами.

– Ни одна тайка никогда не выходит замуж по любви. Особенно женщина из относительно богатой семьи. Ей выбирают мужа, и она не может сказать «нет». Если бы семья Сумали не считала Шломо богатым, они бы никогда не позволили ей выйти за него замуж.

Я наблюдала, как муж помахал руками и послал сестру Сумали по какому-то поручению. На лицо он выглядел настоящим деспотом. Какая разница между Сумали и ее сестрой. Я не сомневалась, что со Шломо у Сумали было все, что она хотела. Влияние, которое женщины Патпонга оказывали на мужчин-фарангов, было опьяняющим. И как только они получали власть над ними, они начинали понимать, насколько отношения с тайцами-мужчинами были ограничены запретами и предрассудками.

– Я рад, что ты здесь, – сказал мне Алекс. – Ты будешь единственной женщиной-фарангом. Это меня подбодрило.

– Мне жаль, что я не взяла с собой своего тайского друга. Так мы были бы квиты.

– Почему же ты не позвала его?

Правда была в том, что семье Сумали вряд ли бы понравился Джек, как не понравилась им Хой. Даже я могла понять разницу между речью Джека и речью по телевизору. Джек разговаривал как житель трущоб. Мой тайский учитель смеялся над словами, которые я слышала от Джека. То были слова, которые я уже знала, но не могла распознать из-за его произношения. Речевые привычки людей разделяли их на определенные группы. Алекс сказал мне, что тайцы среднего класса хмурились, когда Хой открывала свой рот. Я была уверена, что то же самое произошло бы с Джеком.

– Понравилась ли семье Сумали наша Хой? – спросила я его.

– Им она вообще не нравится.

– Тогда поверь мне, им бы не понравился и Джек.

Мы, фаранги, столпились в комнатах наверху, в то время как тайцы собрались внизу. Мы сидели и ели печенье, слушая, как Шломо рассказывает о требованиях к браку.

– Чтобы жениться, я должен был приобрести обязательные подарки для невесты. Это мусульманский обычай. Ее родственники хотели, чтобы все прошло в точности по традициям. Во-первых, они хотели четырнадцать золотых цепочек. Мои родители послали одну такую в подарок из Израиля.

– Твои родители знают о браке? Они одобряют его?

– Они знают, но не одобряют.

Израильтянин тяжело вздохнул.

– Затем я должен был купить двух буйволов.

– Буйволов?! – воскликнул кто-то.

– Подождите, это еще не все. Вдобавок ко всему, я должен был обставить весь дом. Целый дом. Сам дом, как предполагалось, будет свадебным подарком мне от семьи Сумали, но так как иностранцы не могут владеть собственностью в Таиланде, и так как мы будем периодически уезжать из страны, то там будет жить брат Сумали.

– Похоже на грабеж, – прокомментировал кто-то.

– Что я могу сделать? – ответил Шломо и пожал плечами.

– Итак, а где же буйволы? – спросила я. – Неужели мы идем с ними на свадьбу?

– Я убедил семью взять деньгами вместо буйволов. Я потратил все свои армейские сбережения. Мне даже пришлось взять займы у своих родителей.

После перекуса печеньем и водой, нас всех плотнячком погрузили в арендованный автобус. Так мы ехали два часа. Затем мы сели на паром, чтобы пересечь канал. В этом месте тайский мужчина дал Шломо черную бархатную мусульманскую шляпу. Нас посадили в традиционную деревянную тайскую шлюпку, на которой мы поплыли вдоль узкого канала. Все попадающиеся нам навстречу люди кричали «Привет». С двух сторон нас окружала невероятно большая насыпь.

Следуя тайскому этикету, мы сняли обувь и поднялись по лестнице в дом. Внутри, в комнате, фаранги заняли покрытое коврами место, там, где должна была пройти церемония. Тайцы толпились в другом конце комнаты. Восемьдесят или девяносто тайцев удобно расселись на полу. Фаранги же, с их длинными ногами, выглядели неуклюже. Они принимали неудобные угловатые позы, занимая слишком много пространства. Некоторые тайские мужчины были завернуты в традиционные ткани, а на их головах красовались мусульманские тубетейки. Тайские женщины были одеты в накрахмаленные одежды и выглядели чопорно. Те, кто постарше, носили платки, покрывавшие головы. Ислам в Таиланде не был столь строг, как на Ближнем Востоке. Это мне нравилось, но, несмотря на кондиционер в комнате, я изнемогала от жары из-за платья с длинными рукавами. Тайские приличия не позволяли женщинам выставлять напоказ плечи и неприкрытые части рук. Мне приходилось прикладывать усилия, чтобы выглядеть благопристойно.

Шломо сидел, скрестив ноги, окруженный пятью религиозными деятелями в тубетейках и тюрбанах. У всех вместо штанов были намотаны куски ткани.

Сестра Сумали сидела с другой стороны, в качестве переводчика. При всех, сидящих вокруг, сестра Сумали развязала тесьму на медной чаше с приданым невесты. Гости вытащили золотые цепочки и продемонстрировали их остальным. Затем они вытащили пачку пятисотбатовых банкнот, и тщательно пересчитали.

Церемония началась. Пока Сумали оставалась в комнате для невесты, духовные лица сначала обратили Шломо в ислам, тем самым приготовив его к женитьбе. Имам в тюрбане читал вслух на арабском языке, мужчина с правой стороны от него переводил слова на тайский язык так, чтобы сестра Сумэли могла перевести их на английский язык для Шломо, чей родной язык был иврит. Затем эти пять мужчин запели, делая паузу время от времени для Шломо, чтобы он смог повторить слова.

Затем монахи снова пересчитали невестино богатство.

– Я не могу поверить, что он действительно женится, – прошептал один израильтянин. – Моя мать убила бы меня.

Израильский продюсер держал микрофон над головой Шломо. Ни у одного тайца не было фотоаппарата, но зато они были у всех фарангов. Они постоянно щелкали и снимали.

– Я думаю, что мы неуместны с нашими камерами, – сказала я, делая очередной снимок. Вся свадьба была просто залита светом вспышек. Вспышка-щелчок, вспышка-щелчок. Камеры продолжали навязчиво снимать. Как же вульгарно это выглядело. Тем не менее, мне нужны были эти фотографии. Щелчок-вспышка, щелчок-вспышка. Ассистент продюсера ткнул свой объектив чуть ли не в ухо имаму. Тайцы в другом конце комнаты сидели тихо.

Шломо спотыкался на каждом арабском слове. Мы, фаранги, переживали за него.

Когда церемония закончилась, вошла Сумали и села рядом со Шломо. Теперь они были женаты. Я знала, что женщинам в исламе не придают особого значения, но все-таки меня изумило то, что свадьба могла пройти без невесты. Когда появилась невеста, мы увидели ее белое сатиновое платье с кружевами. Она была одета по-европейски, в белых перчатках и с цветами в волосах.

На их шеях висели *romalais* – венки для религиозных обрядов. Тайцы надевали их не только в особых случаях, ими так же украшали святыни или же просто привязывали к зеркалу заднего обзора,

как оберег. Шломо смотрел на Сумали так, словно она была бесценным сокровищем, он не мог отвести от нее пристального взгляда. Сумали же разглядывала гостей в комнате. Подали еду – рис кусками цыпленка, а затем выпечку. Тарелки и блюда заполнили все пустое пространство на ковре, не занятое сидящими гостями. Тайские женщины, которые подавали еду, очень аккуратно ступали босыми ногами. Когда тайцы начали уходить из комнаты, фаранги последовали в комнату молодоженов со Шломо и Сумали.

Хой была одета в строгий белый жакет с высоким воротником поверх ткани, обернутой вокруг ее тела наподобие юбки в тайском стиле. Впервые я заметила, что она выглядела полноватой. Она хорошо поправилась всего за один месяц, с того момента, когда мы побывали в Убоне.

– О, ты классно одета, – сказала она мне.

– Спасибо, но эти длинные рукава меня просто убивают.

Хой, Алекс и израильяне планировали остаться в доме на всю ночь. Я же не могла дожидаться, чтобы побыстрее вернуться в Бангкок, чтобы снова увидеть Джека. Израильский продюсер поехал вместе со мной.

– Я предлагаю вам сделку, – сказала я ему. – Вы переводите для меня интервью со Шломо с иврита на английский, а я покажу вам бар на Патпонге, где он познакомился с Сумали.

– Хорошо, но я уверен, что вы и так уже все знаете. Шломо сказал, что это его история любви. Он сказал мне, что он влюблен, а остальное не имеет значения.

– Вы были на Патпонге раньше?

– Я слышал о нем.

– Я покажу вам тут всё. Это не простая история любви. Женщины Патпонга – настоящие эксперты в создании иллюзии любви, и умело сводят иностранцев с ума. Они коллекционируют предложения руки и сердца. Это – их бизнес. Мужчина тут видит красивую бедную девочку, содержащую родителей в глубинке и... БУУУМ, они влюблены, они герои, вытащившие девицу из бедственного положения.

– Шломо уверен, что это настоящая любовь.

– Они все так думают. Что он говорил об обращении в ислам?

– Он сказал, что сделал это только ради церемонии. На самом деле, чтобы жить в Израиле, это Сумали придется стать еврейкой.

– Серьезно? – я засмеялась. – Не только Сумали. Теперь Шломо должен будет снова принять иудаизм.

Тем вечером я заставила продюсера увезти меня со свадьбы раньше, чем ему бы того хотелось. Я хотела увидеть Джека прежде, чем Патпонг переполнят толпы людей. Мне не нужно было долгих разговоров, мне просто нужно было услышать его голос.

– Он повел кого-то в массажный салон, – сказал его бандитообразный старший брат, когда я вышла на улицу.

Увидев продюсера, зазывала вцепилась в нас.

– Mai jamben (Не нужно), – сказала я, чтобы поскорее избавиться от него.

Он продолжал преследовать нас, не обращая на меня внимания и описывая продюсеру те наслаждения, которые бы он мог получить от просмотра или участия в шоу.

– Mai jamben, – повторила я снова, все более раздражаясь. – Я с ним, ты нам не нужен. Уходи.

Продюсер, казалось, сгорал от любопытства, пока зазывала назойливо расхваливал подробности своего шоу.

– Мы как раз сейчас идем в подобное место, – сказала я ему. – Не обращайтесь внимания на этого парня.

– PAI KLA! («ИДИ ПОДАЛЬШЕ»), – уже орала я на зазывалу.

«Далеко» было тайским эквивалентом слова «отвали». Но этот придурок шел за нами до Патпонга-1. Затем он исчез.

– Вон он, тот бар, где работала Сумали, – сказала я, указывая на заведение. – Но я отведу вас в Queen's Castle посмотреть шоу, потому что в баре Сумали их не показывают.

Зазывалы налетели на продюсера со всех сторон. Они хватали его за руку, преграждали путь, пытаясь затащить его в бармошеник.

-MAI JAM-BEN KHUN. SHAN PAAN KO W («МЫ НЕ НУЖДАЕМСЯ В ВАС, ОН СО МНОЙ»), – вопила я, махая руками и чувствуя себя словно Зорро, защищающий дилижанс от бандитов.

Наконец, забежав в Queen's Castle, мы плюхнулись на место, которое нам предложил мужчина-хостес. Я попросила пригласить № 24, Нок. Хорошо, что я помнила ее номер, но я совсем уже стала забывать, как она выглядела. Встречаясь с таким количеством разных женщин во многих барах, я не могла запомнить все их лица и странные тайские имена. Когда Нок пришла к нам, я сразу вспомнила ее отметину на носу. Я села рядом со стойкой так, чтобы продюсер оказался между мной и Нок, и у других девочек не было бы шансов подсесть к нам. Иначе девочки передрались бы за нашего клиента. Тем не менее, следя за взглядом продюсера, пять девочек

по-разному попытались подсесть к нам. Одна присела рядом с Нок, другие же терлись рядом с нашим столиком и докучали вопросами:

– Откуда ты, детка? У тебя отпуск? Ты купить мне выпить?

Я дала им знак рукой, чтобы проваливали.

В начале вечера продюсер был спокоен и вел себя с достоинством, но с каждым последующим шоу он становился все более шаловлив и беспокоен.

Мы наблюдали, как девушка поднялась на сцену с пустой бутылкой из-под кока-колы и полной бутылкой содовой. Она сняла бикини, легла на спину, и вылила четверть содовой во влагиалище. Затем, оставаясь с широко разведенными ногами, она выплеснула из влагиалища жидкость в бутылку с колой. Прозрачная жидкость в бутылке стала темной, как кока-кола. Она сделала это четыре раза, пока бутылка из под кока-колы не заполнилась.

– Как у нее это выходит? – спросила я у Нок.

– У нее внутри краска.

На следующем шоу три девочки вытаскивали из себя за нитку бритвенные лезвия.

– Ай! – ахнул продюсер.

– Как они это делают? – снова спросила я у Нок.

Она сделала круг из пальцев, показывая, что у них внутри был защитный мешочек. Девочки демонстративно порезали куски картона бритвами, показывая остроту.

После этого три других девочки вытащили из себя длинные иглы.

– Похоже, этот мешочек часто используется, – отметил продюсер.

Девочки сидели на сцене и вставляли свои иглы в бумажные цветы, соединенные длинной гирляндой.

Затем две девочки, лежа на спине, медленно вращались на крутящейся сцене. Во влагиалище одной был рожок, а у другой оранжевая свистулька. Они по очереди дудели.

Затем была очередь Нок. Она должна была открыть писсой бутылку, этот трюк я уже видела в баре Winner's, правда, там это выглядело намного эффектнее. Сейчас она стояла, засунув горлышко бутылки в себя. Диджей убавил музыку, бармен крепко взял бутылку в руки, а Нок, на раз-два-три сделала кувырок, оставив ее в руках у бармена уже без металлической крышки.

Когда Нок вернулась к нашему столику, продюсер для нее похлопал в ладоши.

– Как ты это сделала? – спросил он.

– У нее там внутри спрятана открывашка, – перевела я ее ответ для него.

К этому времени он уже был достаточно возбужден. Он ерзал и выглядел словно пудель, который так сильно виляет хвостом, что у него шевелится все тело от хвоста до шеи. Хотя эти шоу-трюки были механическими и незротичными, пространство, заполненное великолепными женщинами в бикини, приятно возбуждало. Когда продюсер положил свою руку на мое плечо и ухмыльнулся мне в лицо, я подумала: «О нет, зачем я снова впутываюсь в это?»

Почему этот мужчина думает, что лапает меня – это нормально? Я могла понять, если бы он трогал Нок, но почему он считал доступной каждую женщину?

На следующем шоу четыре девочки вытащили из писы длинную гирлянду колокольчиков и затем, оставив ее концы висеть внутри, принялись танцевать, покачиваясь из стороны в сторону, а колокольчики звенели в такт.

Во время «пинг-понг шоу», обняв меня и Нок руками, продюсер заявил:

– Что за пренебрежение гигиеной!

Три женщины стояли над стаканчиками из-под мороженого, в которые они стреляли из влагалищ теннисными шариками. Время от времени шарики скатывались вниз за сцену, где их давили занятые своим делом бармены. Если шарик миновал такой участи и его находили, то он, даже не будучи обтерт салфеткой, вставлялся обратно в вагину.

К этому времени я была уже более чем готова покинуть заведение и найти поскорее Джека. Нок не казалась особо довольной продюсером. Пожилой грузный мужчина был, вероятно, не тем клиентом, которого она хотела бы подцепить. Также возможно, что она чувствовала себя неловко из-за меня.

– Мне нужно домой, – сказала я.

– Давай я тебя подвезу, – предложил продюсер.

– Нет, нет, я могу пойти одна. Не волнуйтесь обо мне, я здесь каждую ночь.

Обращаясь к Нок я спросила:

– Хочешь пойти со мной в кино на следующей неделе? Я заплачу бару.

Она кивнула, неуверенно глядя на нас. Она не понимала, что эти двое фарангов хотят от нее. Я дала ей деньги заранее, чтобы она знала, что я точно за ней приду – 325 батов, дешевле, чем в баре

Winner's. Такая цена была стандартной для женщин в барах Пат-понга. Только бары-мошенники заряжали больше. Яркая флуоресцентная вывеска на стене говорила о ценах и о том, что платить нужно только бару.

Это означало, что клиенты договаривались о сексе с девочками напрямую.

Я нашла Джека на углу и пригласила его в квартиру.

– Охх, я могу остаться только на час.

– Хорошо.

– У меня есть кое-что для тебя, – сказал он, подходя к продавцу с тележкой, на которой была куча манго. Вытащив снизу сборник неприличных анекдотов на английском языке, он спросил:

– Ты сможешь объяснить это мне?

Дома первым делом мы пошли в спальню, и только потом вспомнили про сборник с анекдотами. Он завернулся в полотенце. Не желая оставаться голышом в одиночку, я надела длинную ночную рубашку.

Он положил голову мне на колени, а я читала ему шутки, переводя их на тайский язык. Он смеялся больше над моим переводом, чем над шутками.

– Прочитай еще этот, – сказал он, показывая на картинку со слонем.

Это был анекдот о соловье, который упрямил слонику позволить ему заняться с ней сексом. «Давай действуй!», – сказала слониха. Соловей приступил к делу, а в это время с дерева прямо на голову слонихе упал кокос. Услышав крик слонихи, соловей спросил: «Я сделал тебе больно?» Последнюю фразу я перевела как «Чё, больно?» (Jeb luh).

У Джека этот рассказ вызвал истерику, и я поняла, что он знал все эти истории. Он просто хотел услышать, как я говорю их на тайском языке. Я ущипнула его.

– Ой! – сказал он, все еще смеясь.

– Чё, больно? – спросила я, что заставило его еще больше смеяться. Он сгрел меня в свои объятия.

Поцелуи не были тайским обычаем. Вместо этого тайцы терлись щеками, нежно нюхали друг друга, я не очень понимала это. Я не знала, как долго нужно держать щеку для совместного контакта. Должна ли я закрывать глаза или издавать какие-то звуки, или нужно просто смотреть в никуда? Нужно ли мне издавать принимающиеся звуки?

Когда мы снова вернулись в спальню, он запел для меня тайские песни о любви. Я подбодрила его и он, казалось, был до смерти этим доволен. Но через какое-то время мой трепет поутих. Пение все продолжалось, а я привыкла рано вставать и рано ложиться. Он же привык работать всю ночь. Я хотела спать, а не слушать его серенады. Двадцать минут прошло, а он все пел и пел. Я закрыла глаза и положила голову ему плечо, надеясь, что смогу задремать.

Он не давал мне спать. Он слегка подтолкнул меня локтем, чтобы я продолжала слушать, как он поет. Я уже из всех сил хотела, чтобы он вернулся на Патпонг. Он сказал, что зайдет всего на один час, но уже прошло четыре часа.

– Ты умеешь также хорошо танцевать, как и петь? – спросила я, оставив свои попытки уснуть.

– Нет.

Он вскочил и стал показывать приемы кун-фу. Брыкаясь ногами, в моем красном полотенце, он действительно выглядел восхитительно.

– Давай, давай, – кричала я ободряюще. Он делал резкие движения, махал руками в воздухе и даже немного танцевал, маршировал, кивая головой и покачивая бедрами.

Внезапно ужасное озарение осенило меня. Он напомнил мне мальчиков в Apollo Inn. Их тела были очень похожи, в отличие от тел фарангов, тонкие, с мышцами, округленными по-другому. Я представила себе, что Джек мог бы вынужденно работать там, в одном из этих баров. Меня словно ударило ножом в сердце. На какие же мы идем компромиссы, стараясь заработать на жизнь? Чувствовал ли он себя униженным, распродавая тайских женщин высокомерным иностранцам, которые считали его грязью у себя под ногами? Я хотела поддержать его и утешить, помочь снять тяжесть с души. Была ли эта тяжесть на душе у девочек в барах?

Он гарцевал по комнате, а мое сердце надрывалось при мысли о том, что же ему приходится делать ради денег. Я схватила его за ногу, когда он показывал позу Брюса Ли и свалила на кровать. Я заползла на него верхом, вопреки любому тайскому табу. Его маленькое тело казалось тонким и поджарым по сравнению с моим. Прошел еще час.

Когда на балконе начали щебетать птицы, я сказала:

– Я все-таки должна поспать. Я обычно встаю уже через два часа.

– Хорошо, хорошо, я закрываю глаза, – сказал он.

Мне пришлось притвориться мертвой, чтобы убедить его, что я серьезна.

Два часа спустя я уже бодрствовала, как всегда в это время, и снова лечь спать уже не могла. Я лениво напечатала заметки, время от времени проверяя, спит ли еще Джек. Он спал. Это было проблемой. Он собирается спать весь день?

Что мне делать с компьютерными файлами про него? Я не могу продолжать записывать то, о чем он рассказывал. Он больше не был предметом моего исследования.

Я решила удалить его файл и стереть его имя отовсюду, где он упомянут. Однако с дискет я стирать его не стала. А вдруг в один прекрасный день мне понадобится его история.

Горничные несколько раз пытались безуспешно войти. Сразу после полудня я попыталась разбудить его. На сей раз я взялась в него кидаться разными плюшевыми игрушками, при этом некоторые отскакивали от его головы. Я знала, что удары по голове для тайца были немислимы и недопустимы. Тайцы считали голову высшей и святейшей частью тела, и касаться ее было делом оскорбительным. Ноги наоборот, считались низшими, грязными. Джек не двигался. Затем я бросалась в него деревянными слониками. Они отпрыгнули от его задницы. Ответа не было. Я швырнула в него резиновый коврик для ванной в форме свиньи. Это меня рассмешило, но никак не повлияло на него. Когда я уже сдалась, он был весь покрыт животными. На спине у него лежала прихватка в виде лягушки и три керамических пепельницы с нарисованными слонами.

Я устроилась, чтобы почитать некоторые статьи, копии которых я сделала в Тайском информационном центре университета Чулалонгкорн. Там была превосходная коллекция статей о проституции в Таиланде, о роли женщин в буддизме, а также статьи о древних и современных законах о браке.

В 15:30 Джек все еще спал. Я включила радио на полную мощь. Наверное, даже люди внизу у бассейна слышали мою музыку. Спрятавшись за дверью спальни, я следила за ним. Джек проснулся, сел и недоверчиво улыбнулся всему этому зоопарку, что окружал его.

- Что ты делаешь? – сказал он, смеясь.
- Я пыталась разбудить тебя.
- Этим? – он поднял прихватку.

Я упала на кровать рядом с ним, и мы вместе засмеялись. Он щекотал меня, тыкая керамическим слоником. Затем он помог мне разложить все это по местам.

Я спросила себя, должна ли я сделать для него кофе. Я не хотела, чтобы он думал, что я готова служить мужчине, но он был гостем в моем доме и манеры требовали, чтобы хозяин предложил что-то.

– Будешь кофе? – сказала я наконец. Я сделала бы то же самое и для подруги.

Он кивнул.

– В следующий раз можешь сделать себе кофе сам, – сказала я, поставив чайник. – Чувствуй себя здесь как дома. В Америке женщины не работают служанками.

Он заглянул в холодильник.

– Мы поедим? – спросил он, вытаскивая говядину из морозильника.

– Я купила ее, но не знаю, как приготовить.

Определенно, я не собиралась готовить для него еду.

– Я могу приготовить.

– Правда? Великолепно.

– Тайский мужчина не делают этого. Дома я никогда не делал этого, но я знаю как.

– Спасибо.

Я приблизилась к нему и поцеловала в плечо. Он улыбнулся и протянул мне зачем-то свисток. В то время как он жарил говядину, я накрыла на стол. Это было справедливо.

– Я вот подумываю написать книгу о Патпонге, – сказала я вскользь после того, как мы поели.

– Ты пишешь книгу?

– Нет, просто статью.

Рассказывать ему об этом следовало бы постепенно. Возможно, он бы не понял, если бы я рассказала ему все сразу. Он мог подумать, что я ему лгала с самого начала.

– Уже четыре часа! – воскликнула я. – Время для мультсериала «Флинстоны». Можно оставить тарелки в раковине, горничные помоют.

Я знала, что для горничных уже слишком поздно, но я не хотела, чтобы он думал, что я буду мыть посуду подобно тайской женщине.

Включив телевизор, мы сели на диван. Он лежал рядом со мной, положив голову на мои колени, и мы смотрели как Фред и Вилма на тайском языке обсуждают гамбургеры из бронтозавра.

– Это очень забавно, слушать, как Фред Флинтстоун говорит на тайском языке, – сказала я.

– А кем работает Фред? – спросил Джек.

– Он рабочий-строитель. Помнишь в серии про кредиты, он работал в карьере?

– Рабочий-строитель? В Америке рабочие-строители живут как он? С автомобилем, телевизором и телефоном?

– Конечно. В Штатах они зарабатывают много денег. Большинство государственных служащих – почтовые работники, сборщики мусора, все они хорошо зарабатывают. Около шестнадцати долларов в час.

– За один час? – печаль омрачила его лицо. – Американский народ очень счастливый. Здесь нечего делать.

– Плюс пособия по болезни для всей семьи, отпуск по болезни, оплачиваемые отпуска.

Джек покачал головой, он просто не мог вообразить, что все это возможно.

Этой ночью мы пошли на Патпонг вместе.

На своем углу он поцеловал меня. Затем я продолжила свой путь на Патпонг-1, помахала другим зазывалам, которые стояли и наблюдали за нами. Из-за Джека я подобрела к этой компании пресмыкающихся. На моих ночных экскурсиях по Патпонгу я часто встречала мужа Понг – Онга, который стоял в дверях Pussys Collection в попытках соблазнить и утянуть клиентов вверх по лестнице. Этой ночью я столкнулась с ним у Soi Crazy Horse, он держал веер билетов на шоу «кискины трюки».

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Работаю на новой работе в качестве зазывалы, – ответил он. – Я уволился из Pussys Collection, потому что у них были проблемы с женой убитого менеджера.

Теперь она менеджер в баре.

– А как насчет Понг?

– Она все еще работает там.

Час спустя я столкнулась с Онгом снова у бара Topless, одном из немногих баров Патпонга, в котором клиентов обслуживали тайцы-мужчины.

Хотя бар размещался на первом этаже, там работали обнаженные танцоры, дверь была заперта.

Я засмеялась, когда увидела его.

– А что теперь ты здесь делаешь?

– Я пришел на акцию «счастливый час» (время действия скидков на алкогольные напитки в магазинах, барах – *прим. ред.*).

Мы сели вместе, и я предложила ему заказать выпить.

Все местные женщины с баров и салонов, кроме Понг, говорили, что не любят тайских мужчин, особенно с Патпонга. Здесь, передо мной был яркий пример пары, находящийся в долгосрочных отношениях. Я хотела наблюдать за ними. Сейчас мне захотелось поговорить с ним о Джеке.

– Мой друг работает над Патпонге-3. Он – зазывала, как и ты. Его зовут Джек. Ты знаешь его?

– Нет. На Патпонге слишком много разных зазывал.

– Он мой поклонник и друг. Но все же я не уверена в нем. Что ты думаешь о женщинах-фарангах и их тайских мужчинах?

– Я знаю, что он счастливчик, если является поклонником такой женщины.

– Правда?

На обратном пути домой я снова подошла к Джеку.

– Я не могу пойти с тобой. Я еще не заработал денег. Я приду позже. Поздно. После того, как я закончу работу.

– Не сегодня. Вчера ночью я спала не больше часа.

– Я приду после работы завтра вечером.